

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.021-030

Е. Г. Комиссарова

Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация

Презумпции в нормах об установлении отцовского происхождения ребенка

Резюме. Опираясь на общетеоретические знания о роли и месте презумпций в правовом регулировании и учитывая особенности их действия в семейном праве, автор обращается к презумпциям, закрепленным в нормах об установлении происхождения ребенка. Методологическую основу для промежуточных и итоговых выводов составил теоретический посыл, согласно которому для установления материнского происхождения законодатель не использует презумпции по причине явности материнства. Как технико-юридические инструменты, встроенные в нормы об установлении происхождения ребенка, презумпции участвуют в установлении отцовского происхождения, но не во всех случаях. Об этом свидетельствует дихотомия правил, указывающих на добровольный и принудительный порядок отыскания отцовства. Инструментальная роль презумпций имеет значение для добровольного порядка установления отцовского происхождения. Этот порядок основан на браке родителей, а при отсутствии брака — на совместном заявлении матери и внебрачного отца. Принудительный (судебный) порядок установления отцовского происхождения не предполагает использования презумпций: он строится на началах состязательности. В условиях появления достоверных источников доказательств отцовства деление на добровольный и принудительный порядки сохраняет актуальность. Поэтому предмет исследования ограничен описанием добровольного порядка установления отцовского происхождения, в котором задействованы нормативные презумпции. Этот порядок не ориентирован на простое отражение биологической или генетической реальности: ее наличие в таком порядке всегда предполагается и не предусматривает отыскания каких-либо доказательств. Так выражено культурное видение должного добровольного порядка установления отцовства, отражающее политические и биоэтические стандарты человеческого воспроизводства.

Ключевые слова: происхождение ребенка; добровольный и принудительный порядок установления отцовства; брак; признание отцовства; совместное согласие матери и внебрачного отца; кровное (биологическое) родство; материнство; отцовство; презумпция брака; презумпции отцовства; генетическое происхождение

Для цитирования: Комиссарова Е. Г. Презумпции в нормах об установлении отцовского происхождения ребенка. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 3. С. 21–30. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.021-030

Presumptions in the Rules on Paternity Establishment

Elena G. Komissarova

Perm State National Research University
Perm, Russian Federation

Abstract. Based on general theoretical knowledge about the role and place of presumptions in legal regulation and taking into account the peculiarities of their action in family legal regulations, the author refers to normative presumptions enshrined in the rules establishing the origin of a child. Methodologically, intermediate and final conclusions regarding the problem constituted a theoretical message, according to which the lawmaker does not use presumptions to establish maternity due to the objective nature of motherhood. As technical and legal tools built into the rules on establishing the origin of a child, presumptions are involved in establishing paternity, but not in all cases. This is evidenced by the dichotomy of rules indicating a voluntary and compulsory procedure for the paternity establishment. The instrumental role of presumptions has implications for the voluntary order

© Комиссарова Е. Г., 2025

of establishing paternal descent. This procedure is based on the marriage of the parents, and, if the marriage did not take place, on the joint statement of the mother and the illegitimate father. The compulsory (judicial) procedure for establishing paternity does not imply the use of presumptions, since it is based on the principles of competition. In the context of the emergence of reliable sources of evidence of paternity, the division into voluntary and compulsory order remains relevant. Therefore, the subject of author's research is limited to a description of the voluntary procedure for establishing paternity, in which normative presumptions are involved. This order is not focused on a simple reflection of biological or genetic reality — its presence in this order is always assumed and does not provide for finding any evidence. This is how the cultural vision of the proper procedure for establishing voluntary paternity is expressed, reflecting the political and bioethical standards of human reproduction.

Keywords: child's origin; voluntary and compulsory paternity procedures; marriage; paternity recognition; joint consent of the mother and illegitimate father; blood biological relationship; motherhood; paternity; the presumption of marriage; presumptions of paternity; genetic origin

Cite as: Komissarova EG. Presumptions in the Rules on Paternity Establishment. *Lex russica*. 2025;78(3):21-30. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.021-030

Введение

Последнее двадцатилетие принесло устойчивую уверенность в том, что в порядке установления материнского и отцовского происхождения ребенка нет ничего застывшего и логика научного описания этого порядка может быть любой. Итог таких взглядов оказался весьма спорным, обнажив недооценку одних юридических инструментов, переоценку других и добавление новых (фактические презумпции). В число недооцененных попали брачная и отцовские презумпции, встроенные в «тело» семейно-правового института, поименованного как «установление происхождения детей» (гл. 10 СК РФ).

Общепринятое знание о нормативных презумпциях как инструментах юридической техники выражено в известном тезисе о том, что они есть там, где присутствует недостаточная определенность относительно факта существования тех или иных значимых для права явлений¹. Имея второе наименование — «вероятностные предположения, названные в законе», они помогают явлению попасть в разряд юридических или при необходимости быть из них исключенным. Однако совместить эти формализованные и потому общеизвестные дефиниции в их дословном смысле с тем, что реально зафиксировано в семейно-правовых нормах об установлении происхождения ребенка, как и описать эти нормы в контексте культурно значимых идей, пока получается плохо.

Общеизвестно, что нормативные презумпции далеко не вторичный и не второстепенный инструмент этого института. В современном семейном праве с их помощью отношениям родивших и рожденных придается узнаваемая законом детско-родительская форма, указывающая на лиц, законно признанных матерью и отцом рожденного ребенка. Благодаря презумпциям порядок установления отцовского происхождения имеет нормативно удобочитаемый вид, подразделяясь на добровольный (по браку и воле безбрачного отца) и принудительный, где первый порядок построен на презумпциях, второй — на судебном отыскании кровного (биологического) родства с помощью средств доказывания, установленных законом.

Эти ценностные аспекты презумпций в их совокупном семейно-правовом значении нечасто обсуждаются в науке семейного права и потому блекнут перед достоверностью генетических тестов. На самом деле дилемма «презумпция или результат ДНК-теста» не решается простым ответом на вопрос, что лучше. Объективный ответ можно получить только в том случае, если будут затронуты все аспекты отцовских презумпций.

Добровольный и принудительный порядок установления отцовского происхождения

То, что юридический порядок установления отцовского происхождения является дуалистичным, в науке семейного права отмечено не еди-

¹ Булаевский Б. А. Презумпции в механизме защиты гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94). С. 128.

ножды². Но последствия такой разделенности обсуждаются мало, в основном в целях отдельного описания добровольного порядка, который синонимизирован с административным, и судебного порядка со всей его доказательственной проблематикой. Не углубляясь в рассуждения о том, что судебный порядок на самом деле является столь же административным, как и добровольный, только в первом случае основанием для внесения записи в государственный реестр является запись о браке родителей или совместное заявление матери и внебрачного отца, а во втором — судебное решение, обратимся к последствиям такого деления.

Для семейного законодательства вопрос об установлении материнского и отцовского происхождения ребенка — это всегда вопрос о последствиях. Фактическое материнство и отцовство как естественное состояние, возникающее сразу после рождения ребенка, должно получить юридическую закрепленность. Вопреки распространенным подходам, эта закрепленность не исчерпывается фактом совершения актовой записи о рождении. Закон учреждает специальный порядок установления материнского и отцовского происхождения ребенка. Акт государственной регистрации рождения, совершаемый в сфере государственного управления, является его публично-правовым следствием. Но не только. Порядок установления материнского и отцовского происхождения подчинен также и самозначимым семейно-правовым последствиям. Они выражены в фактах родительской идентификации в виде указания на тех лиц, которые будут заботиться о ребенке и оберегать его интересы.

Во всех странах этот порядок устроен согласно «правилу трех». Первое правило основано на явности материнского происхождения, которое по общему правилу устанавливается исходя из презюмируемой законом антропологической (природно-родственной) данности (беременность и роды). Это правило активно во всех случаях, включая последствия гестационной беременности, исход которой также подчинен идее биологического приоритета. Иное, как исключение, возможно только в том случае, если гестатор согласен на запись родителями

лиц, давших согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона в целях его вынашивания и рождения.

Второе гласит, что отцовское происхождение не является бесспорно очевидным. Оно во всех случаях должно быть установлено. Рождение ребенка как в браке, так и вне брака должно быть установлено по закону, т.е. «мыслью и словом законодателя». Желая особо подчеркнуть роль законодателя в этом вопросе, историк и философ права П. Лежандр утверждал, что термин «установить происхождение ребенка» является не просто юридическим, а «неоспоримо юридическим»³.

Третье правило гласит о том, что первое и второе становятся активными только после того, как медицинский факт рождения ребенка состоялся. Это значит, что деторождение и установление происхождения ребенка для закона не являются равными величинами. Обратное видение этого соотношения вызвало серьезное расхождение научных взглядов на то, каким быть порядку установления материнского и отцовского происхождения и какие идеи должны его направлять. При этом точка отсчета для рассуждений у разных авторов оказалась нефиксированной. Одни стартуют от чудес технологического зачатия, другие — от намерений лиц стать родителями, третьи — от якобы легальных соглашений, которые могут повлиять на распределение родительских статусов, и т.д.

Чтобы не повторять этих заблуждений, обобщим вышесказанное: вопрос о должном порядке установления происхождения ребенка имеет заданные семейно-правовые границы. Они предрешены гуманными и культурными соображениями о том, что рожденный ребенок нуждается в уходе и заботе и потому оказывается автоматически связанным с теми лицами, которые дали ему жизнь. Установить этих лиц — значит гарантировать ребенку устойчивый и непрерывный уход, заботу и будущее благополучие. Поэтому для семейного законодателя нормативной точкой отсчета в определении должного порядка установления материнского и отцовского происхождения является такое юридическое событие, как рождение ребенка.

² См.: Юрченко О. Ю. Некоторые вопросы установления отцовства в добровольном порядке // Современное право. 2012. № 9. С. 90–94; Никиташина Н. А. Классификация презумпций в семейном праве // Lex russica. 2018. № 3 (136). С. 34–51.

³ Legendre P. Leçons IV. L'inestimable objet de la transmission. Étude sur le principe généalogique en Occident. Paris : Fayard, 1985. P. 135.

Древняя мудрость, не потерявшаяся в современности: родителя делает родителем родившийся ребенок. Это и предрешило тот нормативный алгоритм, согласно которому активация критериев, необходимых для установления происхождения ребенка, начинается от родителей, давших ребенку жизнь, а не от ребенка. Сначала идентифицируются родители в форме установления материнского и отцовского происхождения, и на этой основе персонифицируется ребенок.

Другая мудрость, пришедшая из глубины веков, гласит: «Женщина становится матерью, потому что рождает, отцы — потому что установлены». Установить отца — это, в отличие от материнского происхождения, не подчиниться природной определенности, а установить нормативно должное.

Источников установления отцовского происхождения по закону три: брак родителей; факт подачи совместного заявления внебрачного отца и матери ребенка; судебное установление отцовства при отсутствии воли со стороны внебрачного отца. Группировка этих трех источников позволяет увидеть, что они указывают на добровольные способы установления отцовского происхождения (по браку и по согласию матери с внебрачным отцом) и на принудительные, когда суд вправе принимать во внимание любые доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от конкретного лица (ст. 49 СК РФ). И если в добровольном порядке установления отцовского происхождения презумпции выполняют «функцию освобождения лица от доказывания родства»⁴, то правила судебного установления отцовства, основанные на отсылке к любым доказательствам, не оставляют места для презумпций: истина добывается в самостоятельном процессе.

Добровольные способы установления отцовского происхождения законодательно основаны на действии презумпций. Должное, культурное и гуманное в добровольном отыскании отцовства достигается именно с помощью презумпций. Основополагающей является презумпция брачная. Брачное состояние отца и матери, давших ребенку жизнь, является источником доказательства, из которого следует презумпция о том, что мать, отца и ребенка связывает кровное (биологическое) родство. Так повелось

со Средних веков, когда церковные каноны сделали брак обязательным условием взрослого существования в надежде, что брак скрепляет семью и тем самым усиливает государство. Эти канонические правила дали жизнь правилам светским, согласно которым отец тот, на кого указывает брак. Они отражают типичность того положения, при котором факт брачности родителей не позволяет усомниться в присутствии фактов кровного родства.

Второй добровольный способ установления отцовства, когда кровное родство презюмируется без брака, но по согласию внебрачных родителей, считается вспомогательным, но самостоятельно значимым в силу того, что он дает возможность установить отцовство без связи с основным способом (по браку). В данном случае закон исходит из того, что простота и доступность признания отцовства лицом, не состоящим в браке с матерью ребенка, не могут быть нейтрализованы специальными процедурами отыскания кровного родства, и интересы ребенка, рожденного у родителей, не состоящих в браке, должны быть так же защищены, как и рожденного в браке. Тем самым закон поддерживает ориентир на кровную (биологическую) модель происхождения, используя согласие матери на добровольное внебрачное отцовство. Согласие внебрачного отца признать рожденного ребенка своим исключает необходимость находить биологические доказательства того, что отец, давший согласие, и кровный отец — это одно и то же лицо.

Законодателю можно поставить в вину то, что, следуя неукоснительно презумпции брака или согласию внебрачного отца, он поддерживает отцовство, которое на самом деле может оказаться отделенным от биологии. Но такой риск, когда юридически установленное происхождение отражает не биологическую реальность, а всего лишь ее правдоподобие, оправдан. Законодатель не может спорить с установленной им брачной презумпцией и предоставленным внебрачному отцу правом на признание отцовства. Для того в добровольном порядке установления отцовского происхождения и задуманы презумпции, чтобы упростить и одновременно сделать культурным его отыскание без вмешательства в частную жизнь семьи.

На фоне не самой жизнерадостной статистики, указывающей на сегодняшнюю хруп-

⁴ Булаевский Б. А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений. М. : Инфра-М, 2013. С. 155.

кость семей, безбрачный выбор если не большинства, то многих, научная задача описания силы брачной презумпции и ее ценности для установления происхождения ребенка не лишена трудностей. Но оборот на историческое прошлое и ориентир на семейные ценности, поддерживаемые государством, облегчают ее решение.

Историческая сохранность презумпций в порядке установления происхождения ребенка имеет множественные оправдания. Обычно на виду оказывается одно: презумпции освобождают от доказывания, упрощают и облегчают процесс установления материнского и отцовского происхождения. О том, что презумпции открывают путь внебрачному отцу к добровольному отцовству, являются системообразующими элементами в обустройстве норм об установлении происхождения ребенка, имеют ценностный эффект в виде наполнения норм об установлении происхождения культурной составляющей, направленной на поддержание ценностей гетеросексуального брака и билинейной системы происхождения ребенка, сохранение приверженности модели брачной семьи, упоминается нечасто. И уж совсем редкими являются взгляды на презумпции в этом институте как на инструменты, которые позволяют не только не искать биологическую истину, но и «стирать» случаи расхождения биологической и юридической реальностей в пользу последней.

Описывая логический функционал презумпций в праве, Б. А. Булаевский высказал однозначное утверждение о том, что, кроме введения в закон конструкций, основанных на предположении, наличие презумпций в нем может объясняться и так называемыми политическими соображениями, во многом «пренебрегающими» фактическим положением дел⁵. Эти соображения исходят из того, что лица, заключившие брак, одновременно демонстрируют намерение заботиться о рожденных в нем детях и следовать правилам брачного поведения.

Исторически большинство семейных институций были связаны с браком. Так повелось со времен римского права, стремившегося огра-

ничить разрушительные элементы семьи, основанной не на браке, и подчеркнуть, что родительство в браке служит защите стабильности и интересов не только самой семьи и государства в целом. Эллинистическое, а после строгое христианское, видение модели семьи было связано с «правильной» семьей — той, которая основана на браке. Аксиоматичность такого утверждения существенно поблекла, но это не значит, что идея брака ушла из культурных и политических стандартов. На ней базируются семейная политика государства и законодательство, следующие философской идее о значимости брака в обществе как важной «консервативной составляющей», присутствие которой уберегает от наиболее радикальных разрывов с настоящим⁶. Эту цель брака всегда подчеркивали дореволюционные авторы и неизменно отмечали советские ученые, отводя брачному союзу «значительную воспитательную роль путем внедрения в сознание масс правильных представлений об отношении к браку и семейным обязательствам, предотвращающих нарушение закона»⁷.

Не без оснований юристы именуют брачную презумпцию «правилом чистой линии», имея в виду тот факт, что наличие брака определить проще, чем отцовство супруга, которое признается кровным в силу того, что брак в православной традиции предполагает обязательство верности. Поэтому брачная презумпция — простой и удобный способ дать ребенку законного отца с предположением о том, что противоречий с биологической реальностью нет. Как и любая презумпция, брачная позволяет придерживаться вероятного, чтобы не ввергать участников отношений в поиск доказательств, которые, как уже было сказано, при состоянии лиц в браке необязательны.

Впрочем, ценностный эффект брачной презумпции и презумпций отцовства, следующих из добровольного признания внебрачного отца, нашел не так много последователей, и максима о том, что нормативный порядок установления происхождения ребенка не во всех случаях предполагает отыскание кровной (биологической) связи между ребенком и предполагаемым отцом, оказалась на периферии пробле-

⁵ Булаевский Б. А. Логические основания построения презумпций // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 1 (11). С. 19–22.

⁶ Гаджиев К. С. Политическая философия и социология : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2024. С. 217.

⁷ Бошко В. И. Очерки советского семейного права / перераб. и доп. д-ром юрид. наук, проф. В. А. Рясенцевым. Киев : Госполитиздат УССР, 1952. С. 48.

мы. В роли направляющих выступили суждения о том, что закон во всех случаях рождения ребенка обязан установить биологическую и (или) генетическую истину.

Разделение порядка установления отцовского происхождения на добровольный и принудительный началось только в советском законодательстве. Строгость церковных канонических указаний на брак как основу семьи, не предполагала принудительного назначения отцовства вне брака. Брачное отцовство добровольным не считалось: титул отца шел от Бога. По Божьему закону «муж и жена составляли одну плоть»⁸. Религиозное порицание внебрачного рождения полностью исключало принудительное признание отцовства: «закон стоит на точке зрения действительного происхождения дитяти от предполагаемого отца <...> всё иное не может служить достоверности отцовства»⁹. Только в 1902 г. было разрешено устанавливать внебрачного отца, но не для воспитания ребенка, а для содержания матери в период беременности и родов и последующего содержания рожденного ребенка.

В современном законодательстве порядок, заданный советскими нормами, сохранился. Как и прежде, добровольный сводится к действию презумпций, поддерживающих видимость кровного (биологического) родства или его подобие, не имея цели отыскать биологическую или генетическую реальность как таковую. Также построено законодательство о происхождении во всех европейских странах, являющее собой свод «правил-отражений, заключающих в себе политические и культурные представления о семье в целом»¹⁰.

Не искать биологическую реальность везде и всегда при установлении добровольного отцовского происхождения — это часть законодательной логики всех европейских стран. Законодатели озабочены не поиском того, «что есть на самом деле», а тем, как вписать ребенка в постоянные семейные отношения, гарантируя

соблюдение его наилучших интересов и жизнь с предсказуемым будущим. Поэтому сама по себе биологическая реальность, оставаясь ценной и значимой как ориентир для регулирования порядка установления происхождения ребенка, при добровольном установлении отцовства отдельной ценности в глазах закона не имеет. Его интерес в том, чтобы порядок установления абстрактного отца схематически подчинялся культурным, политическим и идеологическим императивам, отражая должное. Смысл должного состоит в том, что ребенок, рожденный в браке или добровольно признанный внебрачным отцом, априори является продолжателем генеалогической линии тех, кто его считает своим, с предположением о том, что факт его рождения воплощает в себе одновременно три реальности: биологическую, социальную и юридическую.

Этот культурно-политический момент учения об отцовских презумпциях часто ускользает от внимания представителей науки семейного права, стремящихся приписать порочность тому положению, при котором биологическое и юридическое начала в устанавливаемом происхождении ребенка расходятся.

Тот факт, что презумпция брака на самом деле может превосходить и иногда действительно превосходит биологию, которой в реальности может и не быть, в науке обсуждается нередко. Катализаторов для такого движения научной мысли два. Первый состоит в том, что дихотомический порядок установления отцовского происхождения, в котором есть добровольность и принудительность, лишь признается, но последствия признания на сферу действия презумпций не экстраполируется. О презумпциях обычно рассуждают в отрыве от этой дихотомии. Это дает жизнь второму катализатору: презумпции в праве происхождения не рассматриваются как проводники культурных ценностей. Поэтому взгляды о том, что презумпции можно изменить¹¹ или

⁸ Красножен М. Е. Краткий очерк церковного права. Юрьев, 1900. С. 134.

⁹ Загоровский А. И. Курс семейного права. М.: Зерцало, 2003. С. 441.

¹⁰ Cornu G. Droit civil. La famille. Paris: LGDJ, 2016. P. 277.

¹¹ См.: Черепанин Е. Ю. Презумпция отцовства: постановка проблемы // Вопросы науки и образования. 2018. № 29 (41). С. 58–60; Некрасова Е. Некоторые особенности возникновения родительских прав и обязанностей в странах Европы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 294; Толстова А. Е., Бахматова Н. Г. Основания и правовые последствия установления отцовства и материнства // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 4 (53). С. 62.

вовсе отменить, потому что «они лгут»¹², время от времени актуализируются. При этом логика дихотомического построения норм об установлении отцовского происхождения, о которой было сказано выше, остается неучтенной, открывая путь для прославления «бумажного родства» во всех случаях — не только в судебном порядке, но и в добровольном, невзирая на то, что порядок использования «интеллектуальных» результатов генетического тестирования на этапе установления происхождения ребенка закреплен императивно. По смыслу закона эта экспертиза может быть проведена лишь тогда, «когда нет законных оснований ее не проводить», с обязательным соблюдением условий доступа к ней. Такой порядок, когда «во имя целостности семьи доступ к генетической экспертизе на стадии установления происхождения ребенка ограничен законом»¹³, во многом является интернациональным¹⁴.

Ограничение доступа к тестированию при установлении отцовского происхождения и к последующему использованию его результатов — лакмусовая бумажка, показывающая, что генетическая реальность не предназначена для того, чтобы быть единственным основанием для установления отцовского происхождения. Исключением является судебный порядок установления отцовства, где генетический тест в совокупности с другими доказательствами обладает реальной доказательственной силой и позволяет укрепить убеждение суда в существовании генетической последовательности между отцом и ребенком.

Против такого представления о месте генетических экспертиз на стадии установления отцовского происхождения, а соответственно, и против существующей законодательной тактики, основанной на следовании презумпциям, выступили В. А. Болдырев и К. Г. Сварчевский, убежденные в том, что «рождая правовые

нормы (о презумпциях. — Е. К.), кардинально противоречащие природе человека или человеческого социума, законодатель разрушает общество сильнее любой технологии»¹⁵.

В такой постановке проблемы, где не учтена законодательная логика действующих норм об установлении происхождения ребенка, намного больше эмпирики, интенций и здравого смысла, нежели культурных и политических ориентиров на должное. Тогда как этические вопросы о порядке устройства таких норм на фоне совершенствующегося метода анализа крови, который (начиная с XIV в.) позволял устанавливать «истину» происхождения против того, что можно было подтвердить презумпцией отцовства, поднимались еще в середине XX в. Тогда на защиту законодателя встал французский юрист и политик Р. Саватье. Желая предупредить ученых, судей и законодателя о рисках, связанных с новыми концепциями в праве происхождения, он поставил резонный и на тот момент риторический вопрос, «что случилось бы с Гражданским кодексом, если бы наука, сделав еще один шаг вперед, определила метод, позволяющий с уверенностью установить отцовство мужчины по отношению к ребенку»¹⁶.

Основная мысль Р. Саватье сводилась к предостережению от искушений выходить «за те рамки, когда традиционные ценности нашей христианской морали и человеческой личности могут оказаться подорванными». Итог суждений ученого нельзя не взять на вооружение сегодня: право происхождения в частном праве — это отчасти право на жизнь, интересы ребенка, спокойствие в семьях, связь и привязанность, моральные чувства и заранее установленный порядок, а не только место реальной биологической истины.

С появлением тестов ДНК эти суждения обретают вторую жизнь. Отцовское происхож-

¹² Болдырев В. А. Легальная презумпция отцовства: время спросить молодежь // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 148–158.

¹³ Говзман А. А. Некоторые проблемы установления отцовства по законодательству Германии и США // Междисциплинарный вектор развития современной науки: теория, методология, практика : сборник статей III Междунар. науч.-практ. конференции. Петрозаводск, 2020. С. 180.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Романовский Г. Б. Правовое регулирование генетических исследований в России и за рубежом // Lex russica. 2016. № 7 (116). С. 93–102.

¹⁵ Болдырев В. А., Сварчевский К. Г. Эволюция технологий, правовых и моральных норм: последствия распространения молекулярно-генетических тестов на отцовство // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 1 (63). С. 38.

¹⁶ Savatier R. Les métamorphoses économiques et sociales du droit civil d'aujourd'hui. 2e éd. Paris : Dalloz, 1952. P. 127.

дение сохраняет свои особенности, оставаясь загадкой, которую можно «разгадать» только двумя способами: с помощью «заранее установленного порядка», частью которого являются презумпции, или с помощью теста ДНК. Но это лишь общий посыл. Как уже было сказано, презумптивный способ установления отцовства является синонимом добровольного. Это значит, что когда мы рассуждаем о «всесилии теста ДНК», который, по убеждению отдельных авторов, может и должен стать приоритетным источником установления отцовского происхождения, мы невольно идем в сторону двух следствий.

Первое предполагает отказ от действующего нормативного порядка установления отцовского происхождения, основанного на добровольности и принудительности. Именно следование этому порядку привело к установлению правил о том, что в большинстве случаев экспертиза является излишней при том условии, что совокупный эффект фактических обстоятельств и отцовских презумпций присутствует. Этот косвенный набор доказательств отцовского происхождения остается актуальным в силу его культурно-идеологической значимости для действующего семейного правопорядка.

Второе следствие заставляет отвернуться от всего, что в нормах о происхождении ребенка побуждает поступить «как лучше». Этот эмпирический подход, основанный на презентации чувственных ощущений, что важнее — «бесплезность» уже известных правовых решений или священная сила генетической правды, доставленной «экспертизой любопытства» в виде достоверных итогов теста ДНК, уводит науку семейного права с юридического пути.

Привлекательный и смелый в своей конкретике и простоте, прагматичный взгляд В. А. Болдырева и К. Г. Сварчевского, кроме угрозы действующей семейно-правовой догматике, несет с собой еще и такое негласное следствие, как отчуждение норм о происхождении ребенка от семейных ценностей в пользу технаутки. Такое следствие всегда есть там, где правовое мышление отделяется от нормативной логики и юридических абстракций, становясь выше их. Нет сомнения, что технологические новшества требуют отклика разных наук, но представление их в качестве решения всех проблем права происхождения «во благо абсолютной и бес-

спорной ясности» — это, по мысли антрополога Л. Тайгера, «не более чем поощрение создать быстрый и мощный танк без рулевого управления»¹⁷.

Поставить установление отцовского происхождения только в зависимость от итогов теста ДНК — значит а) расширить сферу государственного вмешательства в частные дела семьи; б) привести отцовство к его абсолютной очевидности, в которой на самом деле далеко не всегда заинтересованы презюмируемые отец и мать; в) нарушить классический алгоритм установления родительского происхождения «от материнской очевидности к отцовской известности за счет презумпций, заменяющих очевидность»; г) повернуть вспять действие алгоритма установления материнского и отцовского происхождения от родителя к ребенку, где точкой отсчета оказывается не акт рождения, а гены и хромосомы ребенка, которые после их обнаружения сопоставляются с генами или хромосомами родителей. Легализовать такую схему в случаях установления (а не простого узнавания) отцовского происхождения может только суд.

Заключение

Стирание границ между тем, что считается «естественным», — фактом, практикой, чувственным опытом, и тем, что считается «культурным», т.е. формализованным в соответствующих институтах, не то, к чему стремится юриспруденция, заинтересованная в создании должного. Если основывать закон и юридическое мышление только на технологическом видении решения проблемы установления отцовского происхождения, есть большой риск попасть в ситуацию идеологического сбоя, когда семейные ценности, пестуемые государством, оказываются вторичными. Отсюда два вывода.

Нормы об установлении происхождения ребенка — это идеологически насыщенные, культурно обусловленные и политически выверенные постулаты, которые на самом деле не столь подвижны и изменчивы, как стремится представить наука семейного права.

Попытки доктринально состарить презумпции в праве происхождения ребенка, признать их «лживым утверждением» и отказать им в том культурном и инструментальном функцио-

¹⁷ Tiger L. The manufacture of evil: ethics, evolution, and the industrial system. New York : Harper & Row, 1987. URL: archive.org/details/manufactureofevi0000tigr/page/2/mode/2up. P. 3.

нале, который они выполняют исторически, равны предложению сломать действующую нормативную модель происхождения ребенка, где всё взаимосвязано и находится в логическом подчинении одного другому. Тогда как историческая миссия юриста состоит в создании и обустройстве абстрактных решений, близких к идеальному, а не в описании того, что происходит в реальности, и насаждении того, что «проще и удобнее».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Болдырев В. А. Легальная презумпция отцовства: время спросить молодежь // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 148–158.

Болдырев В. А., Сварчевский К. Г. Эволюция технологий, правовых и моральных норм: последствия распространения молекулярно-генетических тестов на отцовство // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 1 (63). С. 30–54.

Бошко В. И. Очерки советского семейного права / перераб. и доп. д-ром юрид. наук, проф. В. А. Рясенцевым. Киев : Госполитиздат УССР, 1952. 372 с.

Булаевский Б. А. Логические основания построения презумпций // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 1 (11). С. 19–22.

Булаевский Б. А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений. М. : Инфра-М, 2013. 238 с.

Булаевский Б. А. Презумпции в механизме защиты гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94). С. 126–132.

Гаджиев К. С. Политическая философия и социология : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2024. 451 с.

Говзман А. А. Некоторые проблемы установления отцовства по законодательству Германии и США // Междисциплинарный вектор развития современной науки: теория, методология, практика : сборник статей III Междунар. науч.-практ. конференции. Петрозаводск, 2020. С. 175–180.

Загоровский А. И. Курс семейного права. М. : Зерцало, 2003. 448 с.

Красножен М. Е. Краткий очерк церковного права. Юрьев, 1900.

Некрасова Е. Некоторые особенности возникновения родительских прав и обязанностей в странах Европы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 288–293.

Никиташина Н. А. Классификация презумпций в семейном праве // Lex russica. 2018. № 3 (136). С. 34–51.

Романовский Г. Б. Правовое регулирование генетических исследований в России и за рубежом // Lex russica. 2016. № 7 (116). С. 93–102.

Толстова А. Е., Бахматова Н. Г. Основания и правовые последствия установления отцовства и материнства // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 4 (53). С. 59–64.

Черепанин Е. Ю. Презумпция отцовства: постановка проблемы // Вопросы науки и образования. 2018. № 29 (41). С. 58–60.

Юрченко О. Ю. Некоторые вопросы установления отцовства в добровольном порядке // Современное право. 2012. № 9. С. 90–94.

Cornu G. Droit civil. La famille. Paris : LGDJ, 2016. 656 p.

Legendre P. Leçons IV. L'inestimable objet de la transmission. Étude sur le principe généalogique en Occident. Paris : Fayard, 1985. 407 p.

Savatier R. Les métamorphoses économiques et sociales du droit civil d'aujourd'hui. 2e éd. Paris : Dalloz, 1952. 454 p.

Tiger L. The manufacture of evil: ethics, evolution, and the industrial system. New York : Harper & Row, 1987. URL: archive.org/details/manufactureofevi0000tigue/page/2/mode/2up.

REFERENCES

Boldyrev VA, Svarchevskiy KG. Evolution of technologies, legal and moral norms: Consequences of the spread of molecular genetic paternity tests. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2024;1(63):30-54. (In Russ.).

Boldyrev VA. Legal presumption of paternity: time to ask young people. *Perm Legal Almanac*. 2022;5:148-158. (In Russ.).

Boshko VI. Essays on Soviet family law: Revised and supplemented by Dr. Sci. (Law) Prof. V.A. Ryasentsev. Kyiv: Gospolitdat of the Ukrainian SSR; 1952. (In Russ.).

- Bulaevskiy BA. Logical basis of presumptions constructing. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2011;1(11):19-22. (In Russ.).
- Bulaevskiy BA. Presumptions as a means of legal protection of the interests of participants in civil relations. Moscow: Infra-M Publ.; 2013. (In Russ.).
- Bulaevskiy BA. Presumptions in the mechanism of civil rights protection. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2018;9(94):126-132. (In Russ.).
- Cherepanin NYu. Presumption of paternity: An issue statement. *Problems of Science and Education*. 2018;29(41):58-60. (In Russ.).
- Cornu G. Droit civil. Famille. Paris: LGDJ Publ.; 2016.
- Gadzhiev KS. Political philosophy and sociology. Moscow: Yurait Publ.; 2024. (In Russ.).
- Govzman AA. Some problems of establishing paternity under the legislation of Germany and the USA. *Interdisciplinary vector of the development of modern science: theory, methodology, practice. Collection of articles 3rd International Scientific and Practical Conference*. Petrozavodsk; 2020. (In Russ.).
- Krasnozhen ME. Brief outline of church law. Yuriev; 1900. (In Russ.).
- Legendre P. L'inesimabee objet de la transmission. Étude sur le principe généalogique en Occident (Leçons IV). Paris: Fayard; 1985.
- Nekrasova EV. Some features of the emergence of parental rights and duties in Europe. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*. 2019;5(71)3:288-293. (In Russ.).
- Nikitashina NA. Classification of presumptions in family law. *Lex russica*. 2018;3(136):34-51. (In Russ.).
- Romanovskiy GB. Legal regulation of genetic research in Russia and abroad. *Lex russica*. 2016;7(116):93-102. (In Russ.).
- Savatier R. Les métamorphoses économiques et sociales du droit civil d'aujourd'hui. 2e éd., Paris: Dalloz, 1952.
- Tiger L. The manufacture of evil: ethics, evolution, and the industrial system. New York: Harper & Row, 1987.
- Tolstova AE, Bahtamova NG. Grounds and legal consequences of establishing paternity and maternity. *Vestnik St. Petersburgskoy yuridicheskoy akademii*. 2021;4(53):59-64. (In Russ.).
- Yurchenko OYu. Some questions of paternity voluntarily. *Sovremennoe pravo*. 2012;9:90-94. (In Russ.).
- Zagorovskiy AI. Family law course. Moscow: Zertsalo Publ.; 2003. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комиссарова Елена Генриховна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, профессор кафедры гражданского права и процесса Тюменского государственного университета
д. 15, Букирева ул., г. Пермь 614919, Российская Федерация
eg-komissarova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena G. Komissarova, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Civil Law, Perm State National Research University; Professor, Department of Civil Law and Process, Tyumen State University, Perm, Russian Federation
eg-komissarova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 20 апреля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 13 февраля 2025 г.

Принята к печати 15 февраля 2025 г.

Received 20.04.2024.

Revised 13.02.2025.

Accepted 15.02.2025.